

© 2012 г. Е.В. Золотухина-Аболина

УДК 101

**Ф.НИЦШЕ И М.ШЕЛЕР:
ЗАОЧНАЯ ДИСКУССИЯ О ЖИЗНИ И МОРАЛИ**

Дискуссия – естественный способ существования философии, даже тогда, когда один из дискутирующих уже не может ответить. Сталкиваются не сами авторы, но их мысли, их мировоззренческие позиции, именно они ведут спор порой через века. В предлагаемой читателю статье я хочу коротко показать столкновение мнений двух знаменитых авторов – Ф. Ницше и М. Шелера, чьи взгляды на феномен жизни, на мораль и на человеческие отношения радикально разошлись.

Мораль, Бог и истина – вот три явления, три сферы, три предмета, против которых восстает Ницше со своим утверждением изначальности жизни. Можно сказать, что претендуя на духовность особого рода, он воюет с духовностью, какой она сложилась в культуре, с той духовностью, которая получила статус общепринятой и общепризнанной, сделалась обыденностью, трюизмом, общим местом, но в то же время ценностью. Именно нравственные, религиозные и познавательные ценности становятся мишенью для нападок Ницше, его яростных эскапад и ядовитых замечаний. Ницше требует переоценки ценностей, с позиций жизни он громит все то что, по его мнению, противостоит жизни, искажает ее или пытается возноситься над нею. Единственная ценность и единственная реальность, которую он признает – это сама *жизнь*: вечно повторяющийся поток рождения, роста, становления, борьбы, смерти и рождения новых существ и вещей.

Жизнь, как единственная вещь, достойная глубочайшего почтения и восторга, видится Ницше как воля к власти. А, быть может, «воля к мощи» – к тому, чтобы мощь всегда нарастала, принося самоутверждение и победу. Воля к власти и воля к жизни едины, неразрывны. Жизнь – не есть по Ницше нечто милое, доброе и уютное, в ней нет ни грана сентиментальности, напротив, она выступает как нанесение вреда другим, как преодоление всего сла-

бого, как стремление к победе над чужим, суровость, насилие, эксплуатация. Агрессия, властное навязывание собственных форм, отъем благ – вот что такое жизнь. В этих завоевательских устремлениях согласно Ницше состоит суть жизни, ее соль. Игра сил, храбрость, безжалостность – вот что дает выживать, вытесняя неудачников с арены бытия, вот что позволяет гордиться собой и диктовать свои условия обществу и культуре. ««Эксплуатация», – пишет Ницше, – не является принадлежностью испорченного или несовершенного и примитивного общества: она находится в связи с *сущностью* всего живого, как основная органическая функция, она есть следствие действительной воли к власти, которая именно и есть воля к жизни. Положим, что как теория это новость, – как реальность это *изначальный факт* всяческой истории; будем же настолько честны по отношению к себе!» [1, с. 381].

В «К генеалогии морали» Ницше пишет о существовании двух пород людей, и здесь мы явно видим его аристократический гнев по поводу несовершенной части человечества. Существуют *господа* и *рабы*, мораль господ и мораль рабов. Люди знатной породы полны жизни, они кипят избытком мощи, поэтому для них не важны чужие мнения и стадные привычки, они сами создают ценности. Они же сами и являются ценностным мерилom. Знатный человек столь могуч, что помогает другим от избытка собственных сил, он властвует над собой и чтит мощных людей, ему нравятся строгость и суровость, он требует их и для себя, и для других. Господин горд и создан *не для* сострадания. Образцом этой породы людей являются для Ницше викинги. Люди породы господ согласно Ницше соблюдают мораль по отношению к себе подобным (и здесь слово «мораль» Ницше употребляет почти в кантовском смысле – как исполнение долга вне эмоций и предпочтений), что же касается существ более низких, то с ними можно поступать по симпатии и антипатии, «по влечению сердца», образно говоря «находясь по ту сторону добра и зла». Долгая благодарность и долгая месть, способность иметь друзей и потребность иметь врагов – все это черты аристократической морали господ. У рабов же, лишенных мощной жизненной силы, иная мораль.

Мораль рабов, говорит Ницше, это по существу мораль полезности. Раб относится недоверчиво ко всему «хорошему», ему несимпатичны добродетели сильного, поэтому он чтит те качества, которые помогают выживать страдальцам, служат им для облегчения жизни. Это услужливость, терпе-

ние, старательность, дружелюбие. «Добрый» должен быть неопасным человеком, мягкотелым, легко поддающимся обману, лучше, если он будет слегка глуп. Если добродетелями посредственностей являются бедность, смирение, целомудрие, то добродетелями господ – мужество, прозорливость, сочувствие и одиночество.

Однако общество, полагает Ницше, предпочло иные ценности. Не ценности жизни и ее носителей – господ. Современные представления о добре и зле были веками сформированы христианской моралью, которую Ницше считает враждебной жизни. Эту мораль он называет проникнутой «ресентиментом» злобной завистливостью, которую рабы питают к господам. Восстание рабов в морали перевернуло ценности: в чести стали слабые и мягкотелые, добродетелью сделалось предпочтение и поддержание всего хилого и нежизнеспособного в ущерб сильному и властному. Теперь не гордые одиночки, а серое большинство почитается всегда правым. Человеку была вменена мораль его глубокой вины и нечистой совести, порожденная идеей греха. Все жаждущее жизни стало осуждаться как греховное: одомашненное животное человек стало стыдиться всех своих инстинктов. И это в то время, замечает Ницше, что сама мораль насаждалась путем жестокости, кровавых расправ, путем наказаний и страха.

Еще до Фрейда Ницше разрабатывает тему возникновения совести как воли к самоистязанию, которая является предпосылкой для неэгоистических ценностей, как перенаправления гнева и ярости с внешнего на внутреннее – на самого себя. Главными врагами жизни Ницше считает аскетические идеалы, возобладавшие в сознании людей. Оно представляются ему особым искажением воли к власти. «...аскетическая жизнь, – пишет он, – есть самопротиворечие: здесь царит беспримерный resentment, resentment ненасытного инстинкта и воли к власти, которой хотелось бы господствовать не над чем-либо в жизни, а над самой жизнью, над глубочайшими, сильнейшими, радикальнейшими ее условиями; здесь желается попытка применить силу для того, чтобы закупорить источник силы...» [1. С.489]. Согласно религиозному (христианскому) аскетическому идеалу жизнь не имеет собственной ценности, она – лишь мост, перекинутый в иное бытие. Для аскета жизнь – ложный путь, который нужно пройти вспять, или заблуждение, которое должно быть опровергнуто. Однако фигура аскетического священника присутствует во все времена. Отчего? – задается во-

просом Ницше. Наверное, размышляет он, это происходит в интересах самой жизни, но жизни вырождающейся, дегенерирующей. Такой священник пасет больную паству, господствует над страждущими, так как он сам болен и обездолен, чтобы быть родственным для больных и говорить с ними на их языке. Он защищает свою паству от здоровых и от зависти к здоровым, помогает людям обороняться от них самих, охваченных ресентиментом. Когда люди ищут виновных в своих страданиях и хворях, священник говорит человеку: «Ты сам виноват во всем!» кроме того чтобы ослабить страдания людей, их чувство жизни сокращают до самого низкого минимума. Человек начинает, все более теряя переживание жизни, стремиться к угасанию всех желаний и чувств, стремиться к Ничто, которое Ницше считает синонимом Бога.

Размышления Ницше о жизни в «Генеалогии морали» завершаются страстным и противоречивым пассажем. Он пишет о том, что аскетический идеал несет в себе ненависть к человеческому, к животному, к разуму, к счастью, и тем не менее, он придает жизни смысл. А «человек предпочитает скорее хотеть Ничто, чем ничего не хотеть...» [2. с.124]. Совсем иное истолкование жизни как ценности, гораздо более гуманное и приемлемое для современного ума дает Макс Шелер. Мы видим размышления на жизненные сюжеты как в ранних работах Шелера, так и в его последней неоконченной книге «Положение человека в космосе» (1927г.). Тексты Шелера очень современны, и хотя после его ухода прошло три четверти века, они читаются, будто написаны сегодня. Кроме того, они отмечены удивительной духовной чистотой и высокой моральностью.

Когда Ф. Ницше создавал свои эксцентрические шедевры, Шелер был еще подростком. Однако одна из выдающихся работ М. Шелера «Ресентимент в системе морали» (1912 г.) прямо посвящена полемике со скандально известным мыслителем, и именно в ней ярко выражен «жизненный» сюжет, который потом воспроизводится и в разных ракурсах раскрывается в других, более поздних работах. Шелер возражает Ницше с позиций католического, христианского автора, каковым он, собственно и оставался далее, хотя в работе «Положение человека в космосе» его позиции сильно расходятся с ортодоксией. Впрочем, дело не в приверженности догматике. Во все периоды своего творчества Шелер оставался верен идее приоритета Духа, духовности перед жизнью как явлением природным, и эта мысль при всем уважении к жизни является в его работах сквозной.

Макс Шелер во многом согласен с Ницше по вопросу ресентимента. Люди для него также различаются на тех, кто внутренне силен, благороден и не нуждается в опоре на внешние оценки и на «людей ресентимента» – мстительных и завистливых, которых может бесить даже просто существование другой личности, самопроявления которой оцениваются завистником как личное оскорбление. Шелер перечисляет ряд причин возникновения мстительной установки – невозможность выразить мстительный импульс, переживание собственной ущербности, ревность, конкурентность. Люди «подлые» утверждают свою ценность лишь в сравнении с другими, постоянно тягаясь со всем миром, в то время как благородный человек независимо ни от чего несет в себе сознание собственной ценности, так как чувствует себя хорошо укорененным в бытии.

Однако во многих других вопросах Шелер возражает Ницше, в особенности в том, что касается приписывания ресентимента христианской морали. Прежде всего, он отстаивает христианскую идею жертвенности, ибо христианский Бог – это любящий и жертвующий собой Бог в противоположность холодному античному Абсолюту, к которому влекутся люди, но который сияет недостижимым холодным совершенством. Рассуждая об этом, Шелер обращается к теме жизни. Сущность жизни в росте и полноте, как же понять стремление к жертвенности? Автор сразу подчеркивает, что нельзя как это делает Ницше, мерить христианский идеал лишь ценностями самой жизни, он возвышается над жизнью, выходит за ее пределы, и тем не менее, сама жертвенность происходит не от слабости и скудости, а, напротив, от жизненной полноты. Он говорит, что когда витальность высока, люди мало озабочены жизнью и смертью, настолько они полны внутреннего богатства и сил. Им не трудно делиться своим достоянием с другими. Именно от полноты жизни происходит и христианская любовь. Она направлена на сырых и убогих не потому, что они безобразны и отвратительны, а потому что в любящем так много сил, что эти жизненные силы преодолевают естественное отвращение. Эти силы черпаются христианами из Царства Божьего, именно оно дает им чувство безопасности и крепости бытия. Любящий не стремится просто созерцать бедное и безобразное, напротив, он хочет развить и поддержать здоровое, которое еще может выжить, и это возможно для него, так как его позитивные ценности укоренены в Боге, который сам щедро творит мир из любви.

Аналогичным образом Шелер выступает в защиту аскетического идеала. Конечно, источником аскезы может быть первичная ненависть к собственному телу или стремление оправдать свое неумение воспользоваться жизненными благами, но возможны и совсем иные истоки. Христианская аскеза вырастает из богатства, силы и полноты жизни, это апофеоз жизни, ее прославление. Если исходить, говорит Шелер, из того, что жизнь – это структурированная целостность функций и форм, то у жизни есть собственные ценности, которые нельзя свести ни к ценностям пользы, ни к значимости чувственных удовольствий или техники. Такая автономная самоценная жизнь в полной мере проявляет себя не в максимуме своего размаха и цветения, а в минимуме, в том, что при этом минимуме она, жизнь, способна развиваться и расти. В этом случае аскетическая мораль есть не что иное, как выражение силы жизни. Впрочем, для христианина жизнь – не «высшее благо», она – лишь арена для прорыва в мир Царства Божьего, как и тело – лишь храм для Святого Духа, а не носитель высшей ценности. Именно поэтому протекающая в спорах и раздорах во имя земных целей жизнь не может получить статуса высшей и конечной ценности. Шелер отмечает также, что любовь – величайшая из ценностей – не есть, как считают многие, лишь витальный инстинкт, но есть энергетический поток внутри Царства Божьего. «...любовь, - отмечает М. Шелер, – это не *служащая* жизни духовная активность и не «сильнейшая и глубочайшая концентрация» жизни (Гюйо), а то, благодаря чему жизнь, приходя в волнение и движение, впервые обретает *высший смысл и высшую ценность*; поэтому вполне обосновано требование отказа от жизни, требование пожертвовать ею в ее сущностно-экзистенциальном значении (речь не идет о жертве индивидуальной жизни ради общей, собственной – ради чужой, низшей – ради высшей), если в результате этого Царство Божие, мистическая связь с которым через поток духовных сил и есть любовь, пополнится ценностями» [З. с.105].

Однако в написанной тремя годами позже работе «Формализм в этике и материальная этика ценностей» Шелер отводит жизни весьма значимую роль. Утверждая, что высшей ценностью является «неделимая ценность» – Дух, он говорит о жизни как *носителе* абсолютной иерархии ценностей, ибо все ценности так или иначе относятся к живому человеку. Особенно интересными представляются рассуждения М.Шелера о ценностных смещениях в

современном мире (заметим, что речь идет о начале XX века, но большинство поставленных Шелером вопросов по сей день не разрешены, а отмеченные им печальные явления лишь усугубились). Шелер исходит из того тезиса, что система ценностей – это идеальная иерархия, которая не зависит от человека, есть ценности высшие и низшие, которые никогда не меняются местами. Порядок ценностей божественен и неизменен, другой вопрос, что в разные эпохи люди могут по-разному предпочитать ценности, и это вызывает ценностные ошибки и заблуждения. Ценностными ошибками Шелер называет, во-первых, «ресентимент» и «субъективирование ценностей» (то есть, рассмотрения их лишь как теней наших желаний), и во-вторых, «возвышение ценностей полезного над приятным» и «ценностей полезного над ценностями самой жизни».

«Современный аскетизм» путает, по мнению Шелера, значимость приятного и полезного. Окончательная ценность полезных вещей связана с их приятностью для нас. Наслаждение имеет смысл подчинять более высоким ценностям – жизненным и духовным, но абсурдно подчинять его пользе! Это все равно, что ставить средство выше цели. Тем не менее современная мораль, которая не похожа ни на античную, ни на средневековую, утверждает, что полезный труд лучше наслаждения приятным. Приятное оказалось в подчинении у полезного. Производство создает в наши дни множество приятных вещей, но люди, которые занимаются полезным трудом, менее всего могут ими наслаждаться. Современная цивилизация копит приятные вещи, а люди изводят себя в труде, будучи отчуждены от удовольствия. Возникает противоречие между множеством развлечений, ярких красок, избытком приятных предметов и мрачными людьми, отъединенными от удовольствия. Шелер говорит, что падает и исчезает сама культура наслаждения, которая связана со способностью полноценно наслаждаться минимумом приятного.

Однако не только приятное, но и жизнь как таковая стала подчиняться ценностям полезного. Ниже полезного поставлено благородное, которое является на самом деле высшим. Власть торговцев и промышленников определила ценностный сдвиг, основанный на свойственном им ресентименте. Само существование человека, которое всегда было самоценным, стало оправдываться лишь той пользой, которую оно приносит более широкой общности. Право на жизнь перестало быть «естественным правом»: тот, кто не в состоя-

нии найти свое место в цивилизации, построенной на идее пользы, должен погибнуть, какими бы ценными жизненными и духовными качествами они ни обладал. Жизнь, которая всегда представлялась госпожой неодушевленного мира, оказалась унижена до положения некоего побочного свойства способности двигаться и производить «полезное». С жизнью больше не обращаются как с самодостаточной ценностью, потому, замечает Шелер, исчезает «техника жизни», всегда имевшая огромное значение. На Востоке и на Западе, в античности и в Средневековье существовали тренировки, формы аскезы, игровые состязания, рыцарские упражнения, которые формировали положительные качества людей. Но в наши дни витальная техника вытесняется техникой машинной и просто забывается. Так, подводит печальный итог Шелер, движимое resentmentом современное мировоззрение истолковывает живое по аналогии с мертвым, « оно стремится понять жизнь как непредвиденный инцидент в мировом механическом процессе. Живую организацию – как случайное приспособление к абсолютно неизменному мертвому окружающему миру: глаз – по аналогии с очками, руку – по аналогии с лопатой, орган вообще – по аналогии с орудием! Не удивительно, что в механической цивилизации, которая, – пишет Шелер, – есть следствие относительной *стагнации* жизнедеятельности..., современное мировоззрение усматривает триумф, продолжение и расширение жизни, в ее бесконечном «прогрессе» – «цель» всякой жизнедеятельности, а в бесконечном совершенствовании калькулирующего рассудка – «смысл» жизни» [3. с. 200]. Увы, в наши дни этот процесс лишь продолжился. Очевидно, что основная идея М. Шелера о жизни – это идея укорененности земного бытия в бытии Божественном, о котором М.Шелер не уточняет, является ли оно трансцендентным, находится ли за пределами всего земного или целиком вдвинуто в мир (ибо тема «Бога в мире» - одна из популярных теологических тем). Фундаментальное различие взглядов Ф. Ницше и М. Шелера на жизнь и на мораль, как мы видим, глубоко уходит своими корнями в мировоззренческий пласт обоих авторов – в гневное иступленное антихристианство Ницше и в глубоко христианские убеждения Шелера. Вероятно, у подобного спора не может быть компромисса и взаимно приятного разрешения, и две философии навсегда останутся подобно двум противоборствующим силам по разные стороны баррикад.

ЛИТЕРАТУРА :

1. *Ницше Ф.* По ту сторону добра и зла // Ницше Ф. Соч. в 2-х т. Т.2.
2. *Ницше Ф.* К генеалогии морали // Ницше Ф. Соч. в двух тт. Т.2.
3. *Шелер М.* Ресентимент в структуре морали СПб., 1999.

LITERATURE

1. *F. Nietzsche, Beyond Good and Evil / / Nietzsche, F. Vol. in 2 volumes Volume 2.*
2. *F. Nietzsche's Genealogy of Morals / / Nietzsche, F. Vol. in two volumes. V.2.*
3. *M. Scheler. resentment in the structure of morality SPB., 1999.*

Южный

федеральный университет

12 октября 2012 г.